

ОТРЫВКИ ИЗ ГЛОССОЛАЛИИ*)

(Поэмы о звуке)

1

Глубокие тайны лежат в языке.

В громе говорю — смыслы огромного слова; но громы говорю и мгновенные молнии смыслов укрыты метафорным облаком, проливающим из себя в волне времени линии неизливных понятий; и как не схожи нам ливень, грома, облака, так не схожи и смыслы звучаний и образы слова; от них сухой, плоский, понятийный смысл.

Что такое земля?

Она — лава; лишь корост кристаллов, камней сковал пламень, и рокоты лавы бьют в жерла вулканов; и верхний пласт земли так тонок; покрыт он травой.

Так слово, которое — буря расплавленных ритмов звучащего смысла; толщею кремнистых корней эти ритмы окованы; пылкий смысл утаен; верхний пласт — слово-образ (метафора); его звук, как гласит нам история языка, только склейка раз'еденных, раз'едаемых звуков; его образ — процесс разрушения звука; и смыслы обычного

Глоссолалия полностью выйдет в непродолжительном времени в изд.—ве «Дракон».

слова — трава — начинают расти из него; падение фонетической чистоты есть развитие диалектической пышности; и падение пышности термин, есть осень для Мысли.

Бурный пламень, гранит, глина, травы — не схожи; не схожи нам смыслы: понятий, метафор, корней и движений воздушной струи, построющей звуки в огромнейшем космосе (в полости рта).

2

Некогда не было знаков, «земель», ни кремней, ни гранитов; был — пламенный; распускались по Космосу лопасти летучего газа; земля клекотала огнистым цветком; развивалась, свивалась она из космической сферы; и жесты огней бытия повторили позднее себя: в лепесточках цветов; оттого-то космический свет — цвет полей; все цветы — напоминания об огнях безграничной космической сферы, все слова — напоминания о звуке старинного смысла.

Некогда не было в нашем смысле понятий: понятийный корост обстал образ слова; некогда не было самого образа слова: образы обложили позднее безобразный корень; ранее не было корня; все корни — змеинные шкурки; змея же живая — язык; некогда та змея была струями, ꙗ́бо же — парусом ритмов, несущих; космос, твердея, стал полостью рта; струя воздуха — эта танцовщица мира — язык наш.

Прежде явственных звуков в замкнувшейся сфере своей, как танцовщица, прыгал язык; все его положения, перегибы, прикосновения к ꙗ́бу и игры с воздушной струей (выдыхаемым внутренним жаром) сложили во времени звучные знаки — спиранты, сонанты: оплотнели согласными; и — отложили массивы из взрывных: глухих (p, t, k) и звучащих (b, d, g).

Игры танцовщицы с легкой, воздушной струей, точно с газовым шарфом — теперь нам невинны.

Сочетания звуков, слагаясь, ссыпаясь, ссыхаясь, отяжелили наречия; словари звуко-образов, бремени память нам, не взирают нам в душу былым своим, явственным жестом; ясность звучного смысла в умении видеть танцы танцовщицы с шарфом — воздушной струей; темнота же его в словарях, из которого понастроены человечеством храмы наречий.

Все движение языка в полости рта — жест безрукой танцовщицы, завивающей воздух, как газовый, пляшущий шарф; разлетаясь в стороны, концы шарфа щекочут гортань, и — раздается сухое, воздушное, быстрое «h», произносимое как русское «ха»; жест раскинутых рук (вверх и в сторону) — «h».

Жесты рук отражают все жесты безрукой танцовщицы, пляшущей в мрачной темнице, под сводом неба; и безрукую мимику отражает движение рук; те движения — гиганты огромного мира, незримого звуку; так язык из пещеры своей управляет громадою, телом; и тело рисует нам жесты; и бури смысла — под ними.

Жест руки наш безрукий язык подглядел; и повторил его звуками; звуки ведают тайны древнейших душевных движений; так как мы произносим звучащие смыслы словес, так творили нас некогда: произносили со смыслом; наши звуки — слова — станут миром: творим человека из слов; и слова суть поступки.

Звуки — древние жесты в тысячелетиях смысла; в тысячелетиях моего грядущего бытия пролет мне косми-

ческой мыслью рука. Жесты — юные звуки еще не сложившихся мыслей, заложенных в теле моем; во всем теле моем произойдет с течением времени то, что происходит пока в одном месте тела: под лобною костью.

Переполнится мыслью все тело мое.

6

Видел я эвритмистку: танцовщицу звука; она выражает спирали сложенья миров; и — все они мироздания: выражает, как нас произнес Божий Звук; как в звучаниях мы полетели по космосу; солнца, луны с земли горят в ее жестах; аллитерации и ассонансы поэты впервые горят.

Будут дни: то стремительно вытянув руки, то их опуская, под звезды развесит нам рой эвритмисток священные жесты; на линии жестов опустятся звуки; и — светлые смыслы сойдут. Жестикаляция, эвритмия — искусство словесности; филология в наши дни есть искусство медлительных чтений; в грядущем она — быстрый танец всех звезд: зодиаков, планет, их течений, горений; узнания мудрости — поты и танцы; умение жестом выстроить мир означает, что корень сознания вскрыт: мысль срослась со словом; выражение звука есть знание; ответ на вопрос есть мимический жест, изображающий жизнь вопроса во мне; без умения изображать жизнь вопроса нам нет решений вопроса.

Видел эвритмию (такое искусство возникло); в нем знание цифров природы; природа осела землею из звука; на эвритмистке червонится звук; и природа сознания в нем; и эвритмия — искусство познаний; здесь мысль льется в сердце: сердце крылами-руками без слов говорит; и двулучие рук говорит.

Эвритмиею — опускали нас духи на землю; мы в них точно ангелы.

Видел я эвритмисток (близ купола, крепкого звуком):
их шарфы метались; и дугами крылий качались их руки;
и опускались их шарфы; бывало, стоит та и эта и — про-
тянет к нам руки, рисуя далекие звуки; казалось: за ней
кто-то есть; и расколами звука — блеснит сама Древность: —

— В древнейшей Аэрии, в «Аэре», жили когда-то мы,
звуки; и звуки и доселе живут; звукословием выражаем
мы их.

Рудою солнца посеян свет,
Для вечной правды названья нет.
Считает время песок мечты,
Но новых зерен прибавил ты...
На крепких стигах воздетых рук
Возводит церкви строитель звук.

(Сергей Есенин).

11.

Можно ли, мысля мгновенно, обнять круг понятий?
В usus'e словесного выражения — нет: понятие отделено
от понятия непроходимыми безднами; так ответят нам
логики; вскроют суждение — переход от понятия к поня-
тию — как огромный процесс, напоминающий космос, в
котором понятия — звезды — отделены друг от друга без-
мерными безднами; чувственность — бездны эти.

Современные гносеологи осознали трагедию обременения
понятия образом; художники слова создали трагедию:
обременения образа схемой, и образ, и корень, взаимно
ломаю друг друга, ломают нам смысл; и грададины смыслов,
порвавшие все связи друг с другом, стоят перед нами;
слепые, глухие, немые — стоим перед ними; и восстанавливая
грамматикой против смысла понятийных взятий, и вос-
ставляя из логики против образных восприятий понятий —
терзая себя, истерзали слова.

Но ствол общий, иль корень, подпочвенен, темен и глух: его смысл — запорожен; пороги сознания шатки; в неосторожном разбитии их нам слова, за порожды, грозят темным наскоком; насилием крика над толком. Стремление пересоздать смыслы слов очень часто — бузумие.

И всетаки: образ мысли, понятие суть зависимые переменные слова; независимая, непременная величина его — звук; и он нудит, зовет за порог: в ночь безумия, в мироздание слова, где нет ни понятия, ни образа слова — есть твердь — и пуста и безводна она, но дух Божий над нею.

12

Образ нудит нас видеть; и не дает проницаний; видения носят; и — непонятны они; такой призрак есть видимость.

Что мы видим извне — часть возможного; динозавры не видимы в кругу теперешней жизни; и в материальных условиях не возникает кентавр; но он — есть; наше внешнее виденье — малая часть наших ведений; глагол видеть есть в сущности ведать: и виды суть Веды; ведун видит больше.

Обставшая видимость (купол неба) могла бы такую не быть, а быть клокотаньем кипящих, светящих фантазмов: орнаментом линии, ежесекундно меняющим очертание; вся история орнаментального творчества нам являет действительность, аналогичную нашей; здесь сложится бегущие линии; и обвисают гирляндой, откуда выходят драды и фавны, отваливаясь от их родивших гирлянд: хвостик фавна в истории живописи — черепок, соединявший его с стебельком; рядом с логикой данной природы есть логика архитектоники линий; природа фантазии; в ней природа, пленявшая нас, — лишь момент, лишь абстракция

круга; в круге не данных природ протекает природа нам данная; данность ее только малая часть; и лишь целое этой части — действительность.

Невозможное миру фантазии — сущее звука: область звука — в за-образном, в корневом, в прародимом.

13

Мир — абстракция круга миров; мир — момент мирозданий; понятие непонятно в понятии; эсotericский смысл его, круг, — это миф; но метафора, миф, объяснима лишь в круге метафор; мифология мифологий — отсутствует; круг метафор не замкнут; смыкается звуком он; звук непосредственен; и мифология мифологией лежит в смыслу звучности; непререкаемы звуки; я слышу g, r, то есть gr и не могу утвердить, что я слышу -p, t; между тем образ птица в образованиях нашей души раздроблен (во мне он есть коршун, в другом он есть ласточка).

Образ слова не разрешает проблему познания речи.

18

Не забываю: я — субъективен; мои толкования — жалкие упражнения в уразумении писем, устремленных на нас из-за бури свеваемых листьев усохшего смысла; самосознание звука в нас есть: но оно, как младенец, — едва открывает глаза в необъятность безобразно вставшего мира; безобразность поглядит на меня, и — отрясает мне внятицу обиденного слова; но я — не невежа: не варвар; я — только не славян: я — скиф; в мир созвучий родился я только что; ощущаю себя в этом новом, открывшемся мире — переживающим шаром, многоочитым и обращенным в себя; этот шар, этот мир, есть мой рот; звуки

носятся в нем; нет еще разделения вод, ни морей, ни земель, ни растений — переливаются воздухо-жары, переливаются водо-воздушности: нет внятных звуков.

Ушел к себе в рот: подсмотреть мироздание речи: я буду рассказывать сказку, в которую верю, как в быль; сказка звуков пройдет: пусть для вас она — сказка; а для меня она — истина; дикую истину звука я буду рассказывать:

19

Из глубины божества вспыхнул план мирозданий.

И — не было: ни начал, ни архангелов, ангелов; не было человека, животных, трав, суши: само Божество не склонилось еще к месту мира: оно еще отлагалось обвалом: образовало дыру в самосознании духовных существ; но обвалы духовного мира — дары; их повергли в ничто, как жар жизни — Престолы; а Элогимы плотнили жару: — образовалось сознание жара и шара внутри Элогимов; самосознание Элогимов теперь пронизало себя; и — ощутило свое бытие (план физической жизни), как пышащий пар; и очами смотрело в себя: очи шара — слученные элогимовых мыслей — себя ощутили, как самостоятельность тела: то было началом Начал; воплощались они.

Их работы — скульптурные слепки: тепло (или зачатки физических органов); мы — сознание органов — были вне органов мыслями мыслей Начал.

Действо жизни Начал, теплота, была суммой термических колебаний; во времени: времена истекли из Начал.

Протекал первый день: назывался Сатурном ¹⁾.

¹⁾ Все рассказанное — переложение: См. Рудольф Штейвер: «Очерк Тайноведения».

Начался второй день¹⁾.

Элогимы воззвали к сознанию; вызвали: воспоминание своих действий (так мы: пробуждаясь, мы помним работу вчерашнего дня). Встал Сатурн: «Воспоминание было в Начале». Возникли Начала. И — Новое совершилось: — в жар жизни Престолов повергли дары Херувимы; и новые мысли, влагаясь в тепло, воплощались в тепле, как архангелы; изменяли тепло, уплотняя его и тонча: были вытканы элогимам две ткани: ткань света и ткань огневая; как дым, закрывала она чистый свет; так возник «Светоогнь». День второй, светоогненный — Солнце — блистал; утончаясь, как Свет, и плотняясь в огневоздухи; там обитали зачатки растений, сошедших на Солнце.

Жизнь Архангелов простиралась от света к стоянью Престолов в местах, где теперь — Зодиак. И Престолы вперяли безмолвные взоры свои; и очам излили на Солнце святости и блага.

И день второй кончился.

Переливаются светожары; и нет внятных звуков (сознания и взрывные не уплотнили еще); в моем пламенном рту все какие-то громорожие самороды; ушел к себе в рот: подсмотреть мирозданье речи; и еслибы подсмотреть образование материков и морей ее жизни, образование трав, рыб, всех гадов и птиц языка; еслибы я восстал у себя самого (в своем рту), я вторично родился бы, назвал все вещи.

Пародируя себя самого, я скажу: —

Сознание, обвиняя мне собственный звук, переживает пока этот звук в Непроницаемой необъятности; тем не

¹⁾ См. Рудольф Штейнер: «Очерк Тайноведения»

менее, звук, проицаясь сознанием, пучится ростом; моя брменная мысль не вошла в тело звука и — в месте звука еще ощущаю провал сознания; если бы —

— Мне суметь войти в звук, войти в рот и повернуть мне глаза на себя самого, стоящего по середине, внутри храма уст, то не увидел бы я языка, зубов, десен и мрачного свода сырого и жаркого неба; я увидел бы небо; увидел бы солнце; космический храм бы возник, гремя блесками —

— и оттого-то все то, что меня окружает пространством и светами, звучно мне говорит; звуком ведомо мне.

48

Иаз, Аз, Азия, Азы — влетает в Европу старинным звучанием: из Азии. В Кабале «Азией» именуется эфир света, невидный обычному оку; посвященные «Азию» видит; может быть, проступает она на заре: может быть, «Назарей» она, эта Азия; она — страна Господа; Азия — свето-воздух и «Азин» нет на земле, где она, там и Рай; Рай — Все — Азия; он — Пант-Азия; он — Фантазия; но Фантазия есть: там, за огненным облаком. Плышет облачный город, зажженный лучами; оттуда спустились мы все — из зарей, зарн; «назарейми» были и мы — на заре. Но оттуда теперь гремит гром: брыжжет молния; это меч Херувима: стоит Херувим в облаках: — охраняет Эдем.

Знаю я: —

— страны света спустились лучами из древнего солнца: на зефиротах-лучах (зефиротами «Sephher-Iezira» зовет лучи мудрости).

Где она, Зефирея?

Пропала она.

И сохранилась в фантазии Греков: да, верили греки,

что где-то в Индии, в даях, блистает «златая земля»; и золотую ту землю назвали: Зофейрой, Офейрой.

Да, знаю:—

— Офейра — сияние, сказка лучей; то — Эфирия; но эфир охлаждается воздухом; он Аир.

В древней-древней Аэрии, в Аэре, жили когда-то и мы звуко-люди; и были там звуками выдыхаемых светов: звуки светов в нас глухо живут; и иногда выражаем мы их звукословием, глоссолалией.

Не встретит ответа
Средь шума людского
Из пламя и света
Рожденное слово.

«Re=Ra=Aer=Aes=Ao=lao=ia».

И раздается, как отзвук далекий: «Я-Аз-Азия», «Ра-Ар-Яр», «Зар-Жар-Шар:—

— Zaratos, Zarel, Zaratustra.

Аэрия, милая—звуками, переливами слов среди убогой, разбитой, разорванной жизни тебя вспоминаю: приди.

«Аз с вами до скончания века».

49

Возникал третий день.

Атмосфера теплела: и вдруг озарилась, как память: и вдруг просветлела, как солнце, она; день второй. И все-ленная сотрясалась от мощного гласа, летевшего в центре из глубин. Серафимы впервые склонились: сияющий диск, протянувши лучи, как рога, мелодично зашел; в огневые пучины родные пучины звучаний излили, как мысли; и мысли входили в огни; были тучами ангелов, образовавших в огнях паро-образы: краски на свете; и

краски мутневшего блеска еще кипятились теплотами; свет отделялся от них, утончаяся звуками; и охладнев, они хлынули в лоно Луны волной вод; было ныне два тела: сверкавшие светочи; и их отражение — зеркало: Луна.

Третий день есть Луна.

В ней роились животности; тело вселенной теперь состояло: из звука, из света, из жара, огня, из лияний хладневшего пара.

64

День четвертый.

В начале его повторяются первые дни: выделяется свет; возникает Луна; тут начало творения мира по Библии; люди нисходят из мыслей духовных: влучаются в тело; пронесшие крест воплощений (Начала, Архангелы, Ангелы) — духи.

Зовут Божество.

И оно наклоняется к миру: спускается в круг Элогимов, соединяя его; соединение Элогимов, единство сознания его, есть божественный отблеск на нем; ему имя — Ягве-Элогим; соединенье зачатков, единство (сознание) их, это луч Элогимов-Ягве, нисходящий на землю: то «Я» — человека.

И — восстает Человек.

Образуется суша, тончится эфир звуковой в эфир жизни: соединение, разделение теперь есть сознательный, алхимический ритм; и проявление его — соединение звуков: и речь — образуется; речь есть тончайшее тело; и речь есть сознательность жизни; и все то, что течет в подсознании, как сродство, как атомность химизма, то — речь; элементы суть звуки; алфавит — название им. Воплощение соединений всех букв — человек существует, как

целостность многоразличия звуков; мы созданы словом; и словом своим создаем, нарицая, все вещи; именованье—творение; именованье—алхимический опыт соединения звуков.

Вот семь состояний земли: эфир жизни (иль силы сродства), эфир звуков (гармония сферы), эфир световой (или силы растений), тепло, огонь (воздух), вода и земля; и земле соответствуют семь состояний сознания: сознание соединения духа и тела (иль Атма), сознание гармоний любви (или Будхи), сознание Мудрости Светлой (Свет-Разум, иль Манас), сознание «Я», состояние сознания звездности мира (астральное тело), стихийности (элементарное тело, эфирное), данное нам состояние (земное, абстрактное).

В том последнем живем мы ¹⁾).

Полость рта есть зародыш вселенной, грядущей когда-нибудь; как вселенная наша в день Солнца была наминая: пески, травы и воды иначе себя выражали; так ныне во рту выражается то, что нам явно раскроется, когда мир изменится: станет Юпитером.

Север, запад, восток, юг грядущей вселенной гласят в храме звука особыми трубами; там—четыре престола: четыре архангела звука стоят и внимают велениям Старшего Брата... с Востока.

Так мы... говорим.

Эвритмия нас учит ходить—просто, лямбом, хореом, счанестом, дактилем; учит походкой выщербить лики и ритмы провозглашаемых текстов; линии шага виются узором грамматики; местоимение—линия эта; а та—есть глагол; этимология линий ветвится пестрейшею, синтаксической вязью; и оттеняемы: категории логики; можно добраться до логики звуковым изъяснением в пожарах бессмертия—сгибы руки.

Введены основные цвета: вызывает тепло беспокоящих

¹⁾ См. Рудольф Штейпер: «Очерк Тайноведения».

светочей красное, кажется — нападает на нас; нас ведет за собой голубое.

Делаю жесты ладонью к себе, образуя рукою и кистью отчетливый угол; то — значит: беру, нападаю, тревожу (жест красный); обратное есть «я даю» (голубое); меж синим и красным ложатся оттенки: то — зелено, желто, оранжево.

Краска, грамматика, логика, звук зажигают сияющей, переливчатой радугой; эвритмия легка, как пушинка, светла, как заря, и чиста, как алмаз.

Эвритмия — она: рассказ в жестах о том, что есть в нас, но чего мы в себе не узнаем без вскрытия недр, освещаемых ритмом тела: эфирного тела; оно вязь из них всех; и — «гнездилище» памяти; отражение эвритмических танцев, страны жизни ритма, — движение мозга: и — носороги понятий встают; и — проходят они толстостопною поступью всех двенадцати категорий.

Выпадение ритма крови, дыхания из лада стихийной игры есть распад огнемисли на стылые звуки и тусклый лик понятий и мыслим, и ходим, и дышим не так: мыслим вилами вместо кисти; задышим, — и будто

тяжелобойные,
скрежетолильные —

(В. Иванов) — «ковачи»

раздувают меха (по В. Иванову — звуки цикад, а по моему звук кирки о булыжник); наше внимание вперяется в материальный процесс; звукоочно цепелится (среди кресел, виш, среди томов библиотеки и сигарного мнения); перемени мы внимание от материальных значений звучания мысли к иным, огнезвучным, определенной культурой в себе бы мы вызвали лад, зажигающий кровь и сластящий дыханье; и тело истаяло бы в веянье крыл, омывающих нас; глазами, движеньем, улыбкой сказали бы мы про опахало из веющих крыл, омывающих нас.

Дракон. Альманах стихов. 1-ый выпуск. Пб., 1921.
(По всей видимости, вышла в 1920г. — это отмечено
среди изданных «Цехом поэтов» книг.)

Handwritten word: "Hokkaido"

